

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ: СУЩНОСТЬ, СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

В.М. Савицкий

*Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия)
lampasha90@mail.ru*

В предлагаемой статье критически рассматриваются толкования понятия «культурный код» и предлагается его авторское понимание. Указывается на многогранность этого феномена, наличие у него регулятивного, семиотического, культурного и когнитивного аспектов. Предлагается лингвистический подход к феномену культурных кодов, в основе которого лежит представление об их образном характере. Автор описывает понятие *образный код*, трактуя его как систему образов, которые входят в этнокультуру, устоялись в практике общения, носят нормативный характер и служат знаками фрагментов реальности. Подчеркивается, что в основе образов лежат так называемые культурные реалии. Под культурными реалиями в данной работе понимаются явления реального мира, непосредственно относящиеся к определенной культуре и тем или иным образом вовлеченные в любой вид деятельности человека. Отмечается, что физические объекты, обретая смысл в сознании человека, становятся знаками. Объекты, относящиеся к той или иной области действительности, в процессе семиозиса складываются в культурные коды. В статье автор анализирует ряд образных кодов культуры, описывая их как коды мышления и коммуникации. Кроме того, автор исследует функцию культурного кода, обосновывая тот факт, что любая воспринимаемая органами чувств сфера реальности может выполнять функцию культурного кода.

Ключевые слова: культурный код, знак, знаковая система, образ, символ, реалии.

Термин *культурный код* в последние годы приобрел популярность и стал употребляться не только учеными, но и философствующими эссеистами, публицистами и тянущимися за ними чиновниками. Происходит некоторое размывание соответствующего понятия. Кроме того, исследователи, использующие этот термин, не всегда могут отчетливо сформулировать, что именно они имеют в виду под культурным кодом. Приведем пример: «Культурные коды – глубинный смысл конкретного процесса, феномена или какого-либо предмета, относящегося к той или иной форме культуры, отражающей ее своеобразие в восприятии представителями данной культуры общности наиболее значимых характерных черт» [Демидова, 2010, с. 8]. Как мы видим, данное определение не дает четкого представления о сущности рассматриваемого феномена.

Культурный код – явление многогранное; его толкования, которые встречаются в философских, культурологических, лингвистических трудах, отражают разные его аспекты. Существуют определения, сосредоточенные на регулятивной функции культурных кодов, например: «Культурные коды – упорядоченное множество взаимосвязанных предписаний, ограничений, стандартов и установок по отношению к различным видам деятельности [...], центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [Аванесова, Купцова, 2015, с. 34]. Хотя здесь отмечен семиотический аспект кодов, все же упор сделан на то, что культурные коды – прежде всего программы поведения. На наш взгляд, не стоит недооценивать тот факт, что коды – это в первую очередь системы знаков; в противном случае программы поведения можно описывать в психологических или социологических категориях, не прибегая к понятию «код».

В других определениях, напротив, делается акцент на семиотическом характере кодов: «Культурный код – это совокупность знаков и система правил, при помощи которых информация представлена в виде набора этих знаков для передачи, обработки

и хранения» [Кравченко, 2001, с. 241]. Но это характеристика любого, а не только культурного кода. По нашему мнению, это слишком широкое определение.

Предложены и такие толкования, в которых культурный код предстает как носитель культурной информации, например: «Культурный код – способ передачи знаний о мире, навыков, умений в данной культурной эпохе» [Никишова, 2009, с. 105]. Р. д'Андрад обозначает культурный код как «способ сохранения и трансляции культурной памяти» (цит. по: [Пашкова, 2012, с. 167]). Уточним: способами передачи знаний, умений и навыков служат воспитание и обучение, а код, будучи знаковой системой, является не способом, а средством их передачи. Мы полагаем, что с такой поправкой эту характеристику культурного кода можно принять, однако ее нельзя назвать определением, т.к. в ней упомянуто лишь одно свойство из набора категориальных свойств культурного кода.

Имеются и такие определения, в которых на первый план выдвигается когнитивный аспект явления. Понятие «культурный код» максимально сближено с понятием «картина мира», например: «Культурные коды – вторичные знаковые системы, использующие разные средства для кодирования содержания, сводимого к картине мира» [Толстой, Толстая, 1995, с. 7]. «Культурный код – это совокупность [...] представлений о картине мира того или иного социума» [Телия, 1999, с. 20-21]. «Код культуры – это макросистема характеристик объектов картины мира; понятийная сетка, используя которую, носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [Красных, 2002, с. 232]. Получается, что код культуры – это знаковый носитель картины мира или даже сама картина мира. В первом случае эта характеристика, в целом верная, не может считаться определением (в нее включено только одно категориальное свойство определяемого объекта), а во втором случае термин *культурный код* дублирует термин *картина мира*.

Учитывая некоторую несостоятельность существующих определений понятия *культурный код*, в данной работе мы постарались разработать узкое и достаточно четкое толкование этого понятия, включив в него только образные коды, поскольку именно они имеют лингвистический аспект. Мы не касаемся вопроса о подсознательных программах поведения представителей того или иного этноса, поскольку они не вербализованы и потому относятся к области психологии и социальной антропологии, а не лингвистики.

Наряду со словесным языком коммуниканты применяют в общении коды несловесные, имеющие образную природу. К их числу относятся системы образов, выражаемых знаками аллегорико-символического характера. Любая этнокультура является сложной семиотической системой. Одним из ее элементов являются образы и представления, формирующиеся из повседневной, профессиональной, культурной, религиозной и т.д. сфер жизни человека. Образы, возникающие из определенных ситуаций, как вербальных, так и невербальных, могут в дальнейшем приобретать относительную самостоятельность и способствовать созданию новых культурных. Образный код – система образов, которые входят в этнокультуру, устоялись в практике общения, носят нормативный характер и служат знаками фрагментов реальности.

Физические объекты, в процессе осмысления в сознании человека, становятся знаками; придание объектам статуса знаков называется семиозисом [Пирс, 2000]. Объекты, относящиеся к той или иной области действительности, в процессе семиозиса формируют систему культурных кодов. Как правило, любая область реальности, которую могут воспринимать наши органы чувств, может выполнять функцию культурного кода (подробнее см. [Савицкий, 2016]).

Что чем может символизироваться? Иначе говоря, как соотносятся означаемые и означающие (тематические и образные сферы) в рамках знаковой деятельности?

Исходя из того, что субституция (репрезентация) есть одна из основных функций знака (и кода) и учитывая конвенциональность знака, можно утверждать, что в принципе все что угодно (любая сфера бытия) может быть знаком/кодом чего угодно (любой иной сферы бытия). Так, на российских денежных знаках изображаются архитектурные сооружения, на белорусских – дикие животные, на японских – пейзажи, на банкнотах других стран мира – исторические личности, аборигены, спортивные состязания, техника и многое другое. Денежный номинал может обозначаться рисунками любой тематики; надо лишь установить соответствующую конвенцию.

Более того, отношение «X есть модель Y» симметрично: образная и тематическая сферы могут меняться местами. Так, мир техники может образно репрезентироваться объектами живой природы, например: «Аппарат [...] все еще мурлыкал, словно дремлющий кот» (С. Лем. Пропавшая машина времени). И наоборот, объекты живой природы могут образно репрезентироваться техническими объектами: «Кот, любивший мурлыкать себе под нос, стал напоминать радиоприемник, который [...] позабыли выключить» (М. Каришнев-Лубоцкий. Волшебные каникулы). Ср. также: «Мой кот, как радиоприемник // Зеленым глазом ловит мир» (А. Вознесенский. Антимир).

Но если знак (или код) призван выполнять не только репрезентативную, но и моделирующую функцию, в процессе семиозиса конвенциональность выбора означающих падает; растет мотивированность. Вступает в действие требование гомоморфного подобия означаемого и означающего. Структура знака и кода моделирует свою предметную область. Так, код «Организм» моделирует предметную область «Механизм»:

Этот сложен, этот – тоже,	В этом – кожух, в этом – кожа,
В этом – мощность, в этом – жизнь.	В том – бензин, а в этом – кровь.
До чего ж они похожи,	До чего ж они похожи! –
Механизм и организм!	Удивляюсь вновь и вновь. (С. Паршин.

Механизм)

В свою очередь, культурный код «Механизм» может моделировать предметную область «Организм», например: «Подремонтируйте мой двигатель, проверьте мой мотор» – таков жаргон пациентов с техническим складом ума. «Ага, – отвечает доктор, – сейчас мы его смажем, подкрутим, и завертится как новенький». Тело – машина, сердце – мотор, врач – механик, лекарство – смазка и запчасти [Ляхович, 2017, с. 2].

Пропорция конвенциональности/мотивированности зависит от назначения кода; так, в секретных кодах предпочтительна высокая конвенциональность, поскольку она затрудняет противнику расшифровку текста, а в художественных кодах, напротив, желательна высокая мотивированность знаков, потому что она лежит в основе образности, придающей тексту эстетические качества.

Прагма-семантическое значение культурного кода представляет собой совокупность смысловых образов, его синтаксическое значение является фреймом, или схемой, благодаря которой образы формируют целостную систему (по М. Минскому [1979], фрейм-визуальный образ). Однако в ряде случаев бывает уместнее провести не живописную, а сценическую параллель: в этих случаях речь может идти не только о статических изображениях, но и о динамических «сценах и актах спектакля» (по М. Минскому, фреймах-сценариях).

Любая культура вкачает в себя два основных компонента: сформировавшаяся с течением истории культурная база (статический компонент) и постоянно меняющиеся актуальные культурные течения (динамический компонент). Динамическое развитие культуры подразумевает возникновение и изменение неких правил (шаблонов) поведения людей в процессе исторического, социального, культурного развития нации в целом. Интересным представляется тот факт, что подобные правила поведения не

могут наследоваться биологически; они передаются следующим поколениям посредством обучения и воспитания. В данном случае эти правила и программы (культурное наследие), которые можно сравнить с биологическими генами, образующими генетический код, могут рассматриваться как своего рода «культурные гены», в своей совокупности образующие культурный код.

Культурный код определенной сферы функционирует в окружающем нас мире в виде знаков (например, правила этикета, символы, сигналы, эмблемы). В вербальном общении они предстают в виде предписаний, рекомендаций, заповедей, законов и др.).

Представители Тартуско-московской школы семиотики рассматривают культурные коды как вторичные моделирующие системы. Они обосновывают это тем, что, хотя язык и культура представляют собой элементы одной системы, язык все же является главной, базовой семиотической системой, а все остальные семиотические системы выступают ее второстепенными (вспомогательными) механизмами [Лотман, 1994].

Также можно согласиться с утверждением К.А. Долинина [1987] о знаковости большинства объектов реальной действительности, поскольку оно подтверждает точку зрения Ю.М. Лотмана [1994 а] о том, что любой социальный феномен не существует в отрыве от культуры. Все, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни – быт, внешность, питание, профессиональная деятельность, – имеет знаковый аспект.

К. Маркс и Ф. Энгельс высказывают такую точку зрения, согласно которой, объекты обладают естественной и социальной формами, которые ассимилируются в процессе функционирования общества [Маркс, Энгельс, 1959]. Так, коврига хлеба обладает не только природными, но и социальными свойствами (менной стоимостью, потребительской ценностью), которые символически опосредствуют отношения между людьми. Сходную мысль высказал А.Ф. Лосев: вещь, рассмотренная изолированно, тождественна сама себе, но, будучи включенной в человеческую действительность, она вариативна и, как правило, предстает в ракурсе той или иной интерпретации, образуя тем самым некий символ [Лосев, 1994]. В процессе семиозиса материальные объекты превращаются в образы. Образность объекта обуславливает его символический характер. Как полагает А.Ф. Лосев, символ обладает свойством выходить за рамки первичной тематики и может отражать всевозможные сферы инобытия, а также безграничные области [Лосев, 2012]. В своей совокупности символы образуют культурные коды.

Приведем еще один пример: сама по себе ель есть ель и ничего более, но для людей она выступает как источник кислорода, питательных и целебных веществ, как средство очищения воздуха в городах, как топливо, как материал для изделий, как средство защиты полей от непогоды, как товар, как обрядовый элемент (мемориальная ель, новогодняя елка), как символ долговечности, как фольклорно-мифический образ, как эстетический объект, как объект научного исследования и т.д. Это и есть модусы, в которых вещь предстает перед людьми и которые составляют ее человеческий (социокультурный) смысл, утилитарную и духовную значимость (ценность/антиценность).

Просто вещь – осмысленная (значимая) вещь – вещь-символ: таковы этапы семиозиса, через которые проходят культурные реалии в ходе превращения в знаки. Семиотизируясь, они принимают участие в формировании идейно-художественного содержания текстов. Тексту свойственна неоднородность, обусловленная многоплановостью элементов его составляющих [Барт, 1994], то есть упоминавшейся выше многоликостью реалий, их способностью предстать в разных модусах своей данности и вступать в многообразные связи друг с другом в пространстве текста, образуя смысловую сеть. В проекциях текста, которые существуют в сознании

отдельных читателей, устанавливаются неодинаковые связи между культурными смыслами, формируются разные смысловые контуры в составе этой сети, ставятся разные семантические акценты (одни смыслы выдвигаются в фокус внимания, а другие рассеиваются). В результате возникает феномен полиинтерпретативности текста, в ряде случаев создающей впечатление, что в рамках одного произведения существуют два или даже несколько текстов.

Как отмечалось выше, в сфере духовной жизни, культурный код может выражаться через любую воспринимаемую органами чувств область реальности, в которой материальные предметы, приобретая образный характер, преобразуются в идеальные формы бытия. Система образов «становится как бы всеобщим языком», претендующим на охват всего универсума [Шалютин, 1985, с. 67].

Особенности образной сферы, закономерности ее строения и ее связь с другими образными сферами обуславливают определенный знаковый характер этой сферы. Так, например, «символика времени года – одна из самых общих и многообразных в смысловом отношении. Связанная с философией природы идеей цикличности, символикой крестьянского труда, она является удобным языком для выражения общих метафизических понятий [...]. Она легко втягивает в себя антитезы «естественной» деревенской и «искусственной» городской жизни и многие другие, являясь по сути дела одним из универсальных культурных кодов» [Лотман, 1994 а, с. 394].

Следует также отметить, что культурный код подразделяется на подсистемы (субкоды), представляя собой множество уровней и образуя тем самым своего рода иерархию. Все уровни субкодов связаны между собой вертикальными и горизонтальными отношениями. В совокупности все это формирует образную систему культуры (подробнее см. [Савицкий, 2016]).

Приведем примеры кодов, которые по-разному функционируют в разных культурах.

Код питания. К нему относятся образы таких реалий, как пища, традиции приема пищи и, говоря в целом, культура питания. Все это составляет культурный код, именуемый глуттоническим (гастрономическим). Данный код изначально обозначает то, что связано с питанием. В то же время, с его помощью происходит отражение других областей культуры (в первую очередь ее ключевые ценности).

В некоторых этнокультурах характер питания является важным фактором выражения престижа человека и подтверждением его социального статуса. Это характерно, прежде всего, для средне- и дальневосточных культур. Обилие и калорийность потребляемой пищи формирует общественное мнение о человеке и его социальном статусе. Ранее в станах восточной культуры внешними признаками, указывающими на высокий статус, знатность и состоятельность человека, являлись избыточный вес и замасленность одежды. Для западной культуры это наоборот является свидетельством нездорового образа жизни, отсутствия культуры питания и культуры поведения в обществе.

Тем не менее, для западной культуры семиотическая нейтральность в отношении к питанию так же не является типичной. Но принадлежность к высокому социальному кругу и/или материальное благополучие демонстрируется уже не через обилие и калорийность пищи, а ее полезность и экологичность. Глуттонический код распадается на субкоды; каждый из них имеет свою предметную область.

Как показал проведенный нами анализ, субкод «Принятие пищи» символизирует разнообразные области физического и ментального восприятия:

- экспроприация (например, *Олигархи дорвались до кормушки, Акулы бизнеса поглощают малые предприятия, Да он тебя съест и не подавится / сожрет с потрохами*);

- вожделение (например, *Он пожирал глазами красотку / глядел на нее как кот на сметану*);
- восприятие информации (например, *Он проглотил книгу в один присест, проглотить наживку, переваривать информацию*);
- усвоение знаний (например, *впитывать что-либо как губка, всосать с молоком матери, грызть гранит науки*);
- приобретение опыта (например, *собаку съест на чем-л., съест пуд соли с кем-л.*);
- понимание (например, *Он щелкает <задачи и т.п.> как семечки/орехи*);
- непонимание, неспособность воспринять (например, *не в коня корм, колом в горле встанет*);
- получение удовольствия/пользы (например, *хорошо посмеяться – как съест стакан сметаны; пить божественный нектар <знаний и т.п.>*);
- получение вреда (например, *есть горький хлеб, проглотить пилюлю*);
- восприятие другого человека (например, *Я его на дух не перевариваю*);
- физические и душевные состояния, подтачивающие силы человека (например, *его сжирает чахотка, снедает зависть, гложет беспокойство/червь сомнения*) и т.д.

Как видим, в терминах поедания пищи моделируется весьма разветвленный комплекс явлений, объединенный интегральнойемой «восприятие».

Питание – рутинное, привычное действие. Такого рода сферы бытия в первую очередь становятся культурными кодами. Это подтверждает указание Р. Барта [1994] на «банальность, незначительность» кодифицированных образов, настолько обычных, что они воспринимаются как естественные природные объекты.

Код внешности. В прежние времена знаковые элементы внешности, говорившие о занятиях физическим трудом на воздухе (крепкое телосложение, загар, огрубевшие кисти рук, большие ступни), презирались в высшем обществе. Факторами престижа тогда служили бледность кожи, стройная фигура, тонкие изящные руки и небольшой размер ноги, подчеркивающие отсутствие физического труда и преимущественно праздный образ жизни, а, следовательно, высокое общественное положение. Это отражено, например, в сказке Ш. Перро «Золушка» (в которой эстетическим эталоном и признаком избранности являлся малый размер обуви), в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» (где специально оговорен малый размер ступней у романтического героя – Ретта Батлера), в романе А. Дюма «Виконт де Бражелон»: согласно описанию, руки виконта парадоксальным образом были тонкими (знак того, что он не занимался физическим трудом), но сильными (знак того, что он был воином). На таких примерах видна некоторая искусственность и условность всей социосемиотики.

У некоторых предметов верхней одежды, которую носила знать, рукава намеренно делались непомерно длинными – это делало физическую работу невозможной. Они были знаком социального символизма и выполняли не утилитарную, а исключительно семиотическую функцию.

Со временем факторы престижа во многом изменились и стали в некоторых случаях противоположными: престижными стали зимний загар (он говорит о богатстве, позволяющем бывать зимой в тропиках) и подтянутая фигура (возможность заниматься спортом придает человеку элитный статус, к тому же посещение спортзала стóит дорого, что дает человеку возможность хвастаться богатством). Делается все, чтобы подчеркнуть принадлежность к избранным, однако в разные эпохи это делается с помощью разных знаков социального символизма. Смена социально-экономического

базиса привела к изменениям в надстройке – системе социальных и культурных кодов современного общества.

В качестве иллюстрации приводившегося тезиса о том, что в жизни людей нет ничего, находящегося вне культуры и знаковой деятельности [Лотман, 1994 а], может служить способ проведения отпуска, который является показателем (знаком) имущественного положения, социального статуса и уровня культуры, служа фактором престижа. Например, трофеи, привезенные с сафари, и упоминавшийся выше зимний загар демонстрируют богатство.

Скажем подробнее о загаре. В прежние эпохи загар как знак социального символизма (англ. status symbol) имел как раз противоположный смысл: он был крайне непрестижен, свидетельствуя о том, что человек много трудится на открытом воздухе, а значит, относится к низшему общественному классу (крестьянству). Поскольку престижной в те времена была возможность не заниматься физическим трудом, богатые люди (в первую очередь дворяне) избегали загара. Белизна кожи как знак социального символизма, антонимичный загару, несла положительную оценочную коннотацию, что, в частности, отражалось в фольклоре и беллетристике (ср.: Белоснежка братьев Гримм, Изольда Белорукая из романов артуровского цикла, Белая Леди и Бледная Красавица в английских легендах и др.).

Ныне семиотика светлого цвета кожи перешла из классовой в расовую плоскость. Среди тех, в чьих жилах течет (в той или иной пропорции) негроидная или монголоидная кровь, существует мода на отбеливание кожи с целью приобретения некоторого внешнего сходства с представителями престижной – европеоидной – расы. Но в рамках движения за равенство рас эта мода вызывает осуждение.

В пространстве культуры действует и множество других кодов.

Завершая обсуждение темы культурных кодов, необходимо отметить, что их составляющие представляют собой знаки с постоянно меняющимся планом выражения. Образ может выражаться в разных материальных субстанциях. В одних случаях это его природный носитель (настоящая новогодняя елка, хлеб-соль, живые цветы), а в других – его живописные, фотографические, скульптурные и тому подобные изображения. Также хотелось бы отметить, что культурный код в своем вербальном воплощении образует «лингвокультурный код», анализ которого требует отдельного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции. 15 апреля 2015 г. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2015. № 4(47). С. 28-37.
2. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1994.
3. Демидова Е.Н. Культурные коды в рекламе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 8-11.
4. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Ленинград: Просвещение (ЛО), 1987.
5. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская областная типография, 2001. № 1.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002.
7. Лосев А.Ф. Самое самó // Миф. Число. Сущность: Сборник трудов. Москва: Изд-во «Мысль», 1994. С. 299-526.

8. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка // Знак. Символ. Миф: Сборник трудов. Москва: Книга по требованию, 2012. С. 408-452.
9. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. Москва: Гнозис, 1994. С. 17-245.
10. Лотман Ю.М. Две «Осени» // Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. Москва: Гнозис, 1994 а. С. 394-406.
11. Ляхович М.Ю. А вместо – сердца пламенный мотор // Мир гомеопатии: сайт Гомеопатического центра здоровья и реабилитации. 2017. Электронный ресурс homeopatica.ru/katalogst07.shtml (дата обращения 14.09.2019 г.).
12. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 1-167.
13. Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979.
14. Никишова Т.П. Культурные коды // Теория культуры в вопросах и ответах / под ред. Н.Б. Шебаршовой. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. ун-та, 2007. С. 105-108.
15. Пашкова Н.И. Культурный код – символический язык культуры // Язык и культура. Научный журнал Томского гос. ун-та. 2012. № 3. С. 167-171.
16. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков // Начала прагматизма. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. Т. 2. Логические основания теории знаков.
17. Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Москва: Московский государственный областной университет, 2016. № 2. С. 55-62.
18. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры // Фразеология в контексте культуры: Сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Телии. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13-24.
19. Толстой Н.И., Толстая С.М. О Словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. В 5-ти томах. Москва: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 5-14.
20. Шалютин С.М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект. Москва: Изд-во «Мысль», 1985.

REFERENCES

1. Avanessova, G.A., & Kuptsova, I.A. (2015). Kody kultury: ponimaniye sushchnosty, funktsionalnaya rol v kulturnoy praktike [Codes of culture: comprehension and functional role in cultural practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya b kulturologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies], *Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga*, 4(47), 28-37 (in Russian).
2. Bart, R. (1994). *Isbranniye Trudy. Semiotika, poetica* [Selected works. semiotics, poetics]. Moscow: Progress (in Russian).
3. Demidova, E.N. (2010). Kulturniye kody v reklame [Cultural codes in advertizing]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazsky region. Obshchestvenniye nauki* [University News. North Caucasus region. Social sciences], 3, 8-11 (in Russian).
4. Dolinin, K.A. (1987). *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. Leningrad: Prosveshcheniye (LO) (in Russian).

5. Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsicholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnolinguistics and linguoculturology]. Moscow: Gnosis (in Russian).
6. Kravchenko, A.V. (2001). *Znak, znachenije, znaniye. Ocherk kognitivnoy filisofii yazyka* [Sign, meaning, knowledge. Essay on cognitive philosophy of language]. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya, No 1 (in Russian).
7. Losev, A.F. (1994). *Samoye samo* [The very essence]. *Mif. Chislo. Sushchnost: Sbornik trudov* [Myth. Number. Essence: proceedings], Moscow: Mysl, 299-526 (in Russian).
8. Losev, A.F. (2012). *Problema variativnogo funktsionirovaniya poeticheskogo yazyka* [The problem of variational functioning of poetic language]. *Znak. Simvol. Mif: Sbornik trudov* [Sign. Symbol. Myth: proceedings], Moscow: Kniga po trebovaniyu, 408-452 (in Russian).
9. Lotman, Yu.M. (1994). *Lektsii po strukturalnoy poetike* [Lectures on structural poetics]. In A. Koshelev (Eds.). *Lotman i Tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school] (pp. 17-245), Moscow: Gnosis (in Russian).
10. Lotman, Yu.M. (1994 a). *Dve "Osseni"* [Two "Autumns"]. In A. Koshelev (Eds.). *Lotman i Tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school] (pp. 394-406), Moscow: Gnosis (in Russian).
11. Lyakhovich, M.Yu. (2017). *A vmesto serdtsa – plamenny motor* [And for the heart a fiery engine]. *Mir gomeopatii: sait Gomeopaticheskogo tsentra zdorovya i reabilitatsii* [World of Homeopathy: website of the Homeopathic Center for Health and Rehabilitation]. Retrieved from homeopatia.ru/katalogst07.shtml (accessed: 14 September, 2019) (in Russian).
12. Marks, K., & Engels, F. (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii* [Criticism of political economy]. *Sochineniya. 2-e izd. Tom 13* [Compositions. 2nd ed. Volume 13], Moscow: Gospolitizdat, 1-167 (in Russian).
13. Minsky, M. (1979). *Freimy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Moscow: Energiya (in Russian).
14. Nikishova, T.P. (2007). *Kulturniye kody* [Cultural codes]. In N.B. Shebarshova (Eds.). *Teoriya kulturu v voprosakh i otvetakh* [The theory of culture in questions and answers] (pp. 105-108), Orenburg: Orenburg State University (in Russian).
15. Pashkova, N.I. (2012). *Kulturny kod – simvolichesky yazyk kultury* [Cultural code: a symbolic language of culture]. *Yazyk i kultura. Nauchny zhurnal Tomskogo gos. un-ta* [Language and culture. Scientific journal of Tomsk State University], 3, 167-171 (in Russian).
16. Pirs, Ch.S. (2000). *Logicheskiye osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of a theory of signs]. *Nachala pragmatizma. Tom 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [The beginning of pragmatism. Volume 2. The logical foundations of the theory of signs], St. Petersburg: Aletya (in Russian).
17. Savitsky, V.M. (2016). *Lingvokul'turnye kody: k obosnovaniyu ponjatija* [Linguocultural codes: to the substantiation of the concept]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. Linguistics], Moscow: Moscow State Regional University, 2, 55-62 (in Russian).
18. Shalyutin, S.M. (1985). *Iskusstvenny intellekt: gnoseologicheski aspekt* [Artificial intelligence: the gnoseological aspect]. Moscow: Mysl (in Russian).
19. Teliya, V.N. (1999). *Pervoocheredniye zadachi i metodologicheskiye problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v sisteme kultury* [Primary tasks and methodological problems of studying the phraseological fund of language in the system

- of culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury [Phraseology in the context of culture]*, Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury", 13-24 (in Russian).
20. Tolstoy, N.I., & Tolstaya, S.M. (1995). O slovare "Slavyanskiye drevnasty" [On the dictionary of slavonic antiques]. *Slavyanskiye drevnasty: etnolingvistichesky slovar. Tom 1 [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. Volume 1]*. Moscow: *Mezhdunarodniye otnosheniya*, 5-14 (in Russian).

CULTURAL CODES: ESSENCE, STRUCTURE AND FUNCTIONING IN THE PROCESS OF COMMUNICATION

Vladimir M. Savitsky

Samara State Social and Pedagogical University (Samara, Russia)

lampasha90@mail.ru

The article contains a critical review of the interpretations of the concept *cultural code* and proposes the author's own definition. The author points out versatility of the notion in question, describes its regulative, semiotic, cultural and cognitive aspects. The phenomenon of cultural codes is studied from the perspective of a linguistic approach, which is based on the idea of their imagery nature. The author describes an imagery code as a system of images that are part of an ethnoculture, are established in the practice of communication, are normative in nature and serve as signs of fragments of reality. It is emphasized that the basis of the images is the so-called cultural realia. Under the cultural realia in this work the author understands different objects of the real world directly related to a certain culture and somehow involved in any kind of human activity. It is noted that physical objects, gaining meaning in the mind of a person, become signs. Objects related to a particular area of reality, in the process of semiosis form cultural codes. The article analyzes a number of imagery codes of culture, describing them as codes of cognition and communication. In addition, the author studies the function of a cultural code, substantiating the fact that any sphere of reality perceived by the sensory organs can fulfill the function of a cultural code.

Keywords: cultural code, sign, semiotic system, image, symbol, realia.